

Инь Шоу припомнил те пару дней, что провёл на аудиенциях: среди общей массы «кривобоких плодов и гнилых фиников» внизу действительно мелькало несколько весьма недурных лиц. Настоящие сокровища на фоне остальных.

Стоило ему вызвать в памяти эти черты, как в горле пересохло от предвкушения. Инь Шоу то и дело сглатывал, а воображение уже всюду рисовало заманчивые картины: случайная встреча, томный взгляд, вспыхнувшая страсть... Любовный роман в декорациях Древнего Китая — что могло быть чудеснее? Это стало бы ярким мазком на холсте его нынешней невыносимо скучной жизни.

В конце концов, тяга к прекрасному — то есть к прекрасным мужчинам — заложена в каждом, и Инь Шоу не был исключением. К тому же, что плохого в том, чтобы просто полюбоваться? Он ведь не собирается делать ничего предосудительного. В этой эпохе тоска такая, что если не найти себе «друга» по интересам, можно и вовсе умом тронуться.

Решившись, Инь Шоу вышел из покоев и велел Фэй Ляню разыскать некоего младшего чиновника по имени «Чэнь Сяочэнь». Сказал, мол, есть к нему дельце. Какое именно — Инь Шоу ещё не придумал, но главное было — заполучить красавца во дворец. Фэй Лянь, получив приказ, тут же умчался исполнять волю Вана.

Чэнь Сяочэнь. Чэнь — это фамилия, Сяочэнь — ранг, а личное имя было делом десятым. Поскольку в совете он был единственным младшим чиновником с такой фамилией, все так его и звали — господин Сяочэнь. Этот младший чиновник, изящный, словно благородная орхидея или нефритовое дерево, выделялся даже в самом хвосте процессии сановников. Неудивительно, что Инь Шоу заметил его с первого взгляда.

Красота, способная рушить города и низвергать царства.

Инь Шоу был уверен: такие мужчины вполне могут стать причиной гибели империи. В голове его сам собой зазвучал мотив: «О, позволь мне бросить мир к твоим ногам, лишь бы видеть твою улыбку... Пусть воспевают нас в веках, смотри — горы смеются и реки поют, любовь наша вечна, пока не высохнут моря...»

Сам Чэнь Сяочэнь в это время мирно возился в своём саду, наслаждаясь безмятежностью, когда внезапное появление Фэй Ляня с приказом повергло его в истинный шок. Неужели Чжоу-ван решил перековаться в мудрого правителя? Только-только отсидели два дня на советах, думали — передышка, а нет, снова зовут! Сяочэнь не посмел медлить: наспех облачился в официальное платье и поспешил во дворец. Однако выяснилось, что созыва нет: ни гражданских, ни военных — Ван велел явиться ему одному! Тут уж Сяочэнь и вовсе перестал понимать, какую пьесу затеял государь.

Инь Шоу принял гостя в кабинете. Стоило Сяочэню переступить порог и краем глаза заметить фигуру Вана, он тут же пал ниц.

— Подданный приветствует Великого Вана.

— Оставьте церемонии, — Инь Шоу обернулся и сделал пару шагов навстречу, изобразив жест, приглашающий подняться.

Чэнь Сяочэнь встал и, увидев на лице Чжоу-вана маску «милосердия», окончательно растерялся. Не зная, какое снадобье тот варит в своём котле, он замер в почтительном ожидании, не смея поднять глаз.

Инь Шоу же, любясь чистотой его черт, в открытую засмотрелся. В кабинете повисла зловещая тишина. Сяочэня прошиб холодный пот под пристальным взором; ему казалось, что эти два горящих взгляда вот-вот прожгут в нём дыру.

— Кхм, — Инь Шоу заметил испарину на лбу гостя и негромко кашлянул. — Я позвал тебя, в общем-то, без особого повода. Хотел лишь спросить...

Он на мгновение задумался, подбирая слова:

— Скоро праздник Чжунъюань, четырнадцатый день седьмой луны. Как продвигаются приготовления к обряду жертвоприношения?

Чэнь Сяочэнь ведал вопросами обряда жертвоприношения, так что вопрос был вполне уместным. Он быстро пришёл в себя и почтительно доложил:

— Покорный слуга уже распорядился о необходимых приготовлениях.

— Очень хорошо, — Инь Шоу одарил его одобрительным взглядом. — Расскажи-ка поподробнее, что именно ты запланировал.

— Эй, подайте чаю! — распорядился он слугам и пригласил Сяочэня присесть на циновку возле низкого столика.

Поначалу Сяочэнь чувствовал себя скованно, но видя, что Ван настроен «добродушно», понемногу расслабился и начал излагать план обрядов жертвоприношения.

Инь Шоу слушал вполуха. Честно говоря, древние обряды жертвоприношения интересовали его меньше всего на свете, но чтобы поддержать беседу, он напустил на себя крайне заинтересованный вид. Он при этом не отрывал взгляда от лица собеседника — зрелище было в высшей степени эстетичное.

Сяочэнь занимался обрядами жертвоприношения, дело это было важное, но влияния при дворе такие чиновники обычно не имели. А раз нет влияния — нет и нужды вступать в коалиции. Похоже, здешние политические дразги ещё не успели испортить этого юношу.

«Выглядит вполне пристойно, не нахватался ещё придворной скверны», — отметил про себя Инь Шоу.

Сяочэнь докладывал, опустив голову, и он невольно засмотрелся на разложенные на столе сладости. Вдруг чья-то рука потянулась к блюду, подцепила кусочек лакомства и протянула прямо ему под нос.

— Угощения неплохи. Попробуй, — произнёс Инь Шоу.

Сяочэнь снова прошиб пот. Если бы он не был уверен, что Вану незачем его убивать, он бы всерьёз заподозрил яд. Кто знает, какие причуды у этого тирана? Может, ему просто захотелось поглядеть, как человек в муках истекает кровью?

— Тебе не нравится? — Инь Шоу не убирал руку, испытующе глядя на него.

Делать было нечего, Сяочэнь принял подношение обеими руками:

— Благодарю Великого Вана за милость.

— Не стоит церемониться. Ты долго говорил, верно, утомился. Выпей чаю, съешь печенья, отдохни немного.

Сяочэнь почтительно кивнул, но сердце его снова ушло в пятки. Он решительно не понимал, что за комедию сегодня разыгрывает Чжоу-ван.

***

Дацзи уже несколько дней не показывалась на глаза правителю, но не прекращала следить за каждым его шагом. Когда слуги донесли, что Ван велел Фэй Ляню привести какого-то чиновника в кабинет для приватной беседы, она нахмурилась.

— Чиновник? Какой ещё чиновник?

— Это господин Чэнь Сяочэнь, ниннян, — ответили слуги.

— Чэнь Сяочэнь? — Дацзи попыталась вспомнить. Припоминалось что-то смазливое. Перед глазами невольно всплыло лицо Шэнь Гунбао и тот плотоядный взгляд, которым Ван его провожал. В душе шевельнулась ревность. — Всякий сброд тащат во дворец... Кто он вообще такой? Раньше Ван на него и не смотрел, а теперь вдруг вызвал «потолковать»!

В гневе она вскочила, намереваясь отправиться в кабинет и устроить разнос, но у самых дверей

замерла. Она вовремя вспомнила, что Ван в последнее время к ней охладел. Если она сейчас закатит сцену ревности, её вполне могут отправить в Холодный дворец.

С трудом подавив раздражение, она вернулась на место и спросила:

— О чём они там толкуют?

— Слышали только про четырнадцатый день седьмой луны. Видимо, обсуждают обряд жертвоприношения...

— Четырнадцатый день, обряды жертвоприношения... — Дацзи задумчиво повторила слова. Думала она вовсе не о предках. Четырнадцатое — это канун пятнадцатого числа, ночи полнолуния. В такие ночи силы Синьюэ Ху ослабевают. Участвовать в обряде жертвоприношения ему категорически нельзя — вдруг не удержит личину и явит истинный облик?

— Ладно, — она махнула рукой. — Оставим это. Главное — самой не попадаться Вану на глаза. — Лишь бы он не вздумал потащить её с собой на обряд жертвоприношения. — Ступай.

Служанка поклонилась и вышла.

***

Как назло, именно тот, кого Дацзи видеть не хотела, внезапно почтил её своим визитом.

Услышав о прибытии Чжоу-вана, Дацзи испытала сложную смесь чувств: страх мешался с радостью — всё же он пришёл!

Стоило Вану переступить порог, как она склонилась в глубоком поклоне:

— Наложница приветствует Великого Вана.

— Любимая наложница, оставь церемонии, — Инь Шоу в прекрасном расположении духа помог ей подняться.

Заметив его благодушие, Дацзи кокетливо спросила:

— Какая радость посетила Вана, раз он так весел?

— Да нет, ничего особенного, — Инь Шоу вспомнил, что повод-то — поминовение усопших, и тут же стер улыбку. Посмотрел на Дацзи и добавил: — Мы не виделись несколько дней, ты

заметно осунулась.

— Наложница так тосковала по Вану, что не находила себе места, — пропела она медовым голосом.

— Кхм, — Инь Шоу деликатно кашлянул. — Я пришёл, чтобы обсудить одно дело.

— Какое же? — Дацзи уставилась на него сияющими глазами. Инь Шоу, не выдержав этого напора, прошёл к ложу, сел и сам налил себе чаю. Дацзи пристроилась рядом, не сводя с него взгляда.

Осушив чашку, Инь Шоу произнёс:

— Завтра четырнадцатое число. Собирайся, ты отправишься со мной в Храм Предков на обряд жертвоприношения.

Этого она и боялась. Идти на обряд жертвоприношения в её планы не входило. Тут же приняв самый измождённый вид, она пару раз неестественно кашлянула и «слабым» голосом проговорила:

— Я бы сочла за честь... Но в последние дни меня одолел недуг. Боюсь, моё немощное тело лишь оскорбит духов предков. Прошу Вана простить меня, я не смогу составить компанию.

Инь Шоу холодно взглянул на неё. Только что сияла здоровьем, и вдруг — при смерти. Кого она пытается обмануть?

— Неужели ты так не хочешь идти со мной, что прикрываешься болезнью? — вкрадчиво спросил он.

— Вовсе нет... просто... кхм-кхм! — Дацзи разразилась таким неистовым кашлем, что лицо её покраснело, а дыхание перехватило. Играла она мастерски — Инь Шоу даже на миг засомневался. В конце концов, он подозревал, что в неё вселилась лиса, но кто перед ним сейчас — демон или настоящая Дацзи, сказать было трудно. А если это настоящая девушка, то её состояние после одержимости вполне объяснимо.

На самом деле, Инь Шоу не так уж и нужна была её компания. Он просто хотел припугнуть её теньями великих предков династии Шан: мол, гляди, Чэн Тан за тобой наблюдает, не твори бесчинств!

Но раз она так упорствует...

Понимая, что наложница явно что-то скрывает, Инь Шоу не стал настаивать:

— Раз ты больна, здоровье превыше всего. Береги себя. В Храм Предков я отправлюсь один.

Дацзи в душе возликовала, но на лице изобразила глубокое сожаление:

— Мне бесконечно жаль, что я разочаровала Вана.

— Пустое, — Инь Шоу махнул рукой и, не найдя больше тем для разговора, покинул покои.

На этот раз Дацзи даже не пыталась его удержать — она просто молча смотрела ему в спину, пока он не скрылся из виду.

<http://bllate.org/book/17393/1657192>